
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В АНГЛИИ И РОССИИ XVI ВЕКА

И.С. Чаплыгин

Проблематика компаративного метода связана с наиболее актуальными проблемами гуманитарного знания. Прежде всего, это касается перехода социально-исторического процесса от европоцентристской модели к глобальной многополюсной модели. В этой связи необходимо понять, что действительно объединяет различные культуры и является для них общим основанием, а что разделяет и определяет уникальность каждой культуры в отдельности.

Решение вышеуказанных фундаментальных задач возможно лишь при применении компаративных подходов – сопоставлении цивилизаций, типов обществ, человеческих групп, а также сопоставлении природных и культурных феноменов в их общих и специфических аспектах.

В данной статье рассматриваются некоторые общеметодологические проблемы компаративного анализа в применении к сравнительно-историческому исследованию культурно-религиозных процессов в культурах Англии и России XVI в.

В числе проблем, с которыми приходится иметь дело, – *проблема поиска языка*, позволяющего корректно описать объект исследования (культуру XVI в.), и связанная с ней *проблема соотношения между объектом исследования и современностью*.

Сегодня можно наблюдать масштабную политическую и экономическую интеграцию в различных регионах мира. «Становящийся опыт мировидения, связанный с современными процессами глобализации и интернационализации, и возникающее культурное «гиперпространство» ставят культурные смыслы и символы всех эпох и народов в состояние бесконечного кросскультурного диалога-полилога»¹.

Однако необходимо учитывать, что движение по направлению к единой культуре и единым общемировым стандартам – это реалии последних двадцати лет. В предшествующие периоды развития, включая изучаемый нами исторический отрезок времени, Европа политически, экономически и, как следствие, культурно была гораздо больше разобщена, чем сейчас.

В основе проблемы соотношения современной культуры и культуры прошлого лежит проблема языка. С течением времени одни понятия уходят, другие остаются, но при этом претерпевают значительные изменения: меняется синтаксис, грамматический строй и быстрее всего лексический состав языка, в итоге люди разных эпох, говоря, казалось бы, на одном языке, не могут понять друг друга или испытывают серьезные затруднения при интерпретации наследия предшествующих поколений.

Данный вопрос отчасти рассматривается в статье Л.Б. Черноскутовой². Изучая переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, автор говорит о том,

что изменения в языке приводят к существенным ошибкам в переработанных текстах. По логике автора, те, кто позднее адаптировали текст оригинала, чтобы привести его в соответствие с изменившимся языком, не обладая достаточным знанием о языке и культуре XVI в., не были в состоянии осуществить корректный перевод. «Проблема новой жизни старых слов, конечно, представляет некоторое затруднение в восприятии текстов других эпох, и поэтому еще острее встает вопрос об аутентичности переводов более древних текстов»³. Таким образом, переработанные тексты, будучи посредником между современным исследователем и оригиналом, часто в действительности утраченным, значительно искажают наше представление об изучаемом предмете.

Помимо этого, Л.Б. Черноскутова справедливо замечает, что с течением времени полностью изменяется представление о личности: «Личность претерпевает в истории культуры весьма быстрые и весьма фундаментальные изменения. Это означает, что меняется: а) внутренняя устроенность личности; характерный взгляд на мир, целый строй чувств, где одно акцентируется, другое отставляется на задний план, третье отсутствует, – все, начиная с мироощущения на самом непосредственном уровне и кончая «мировоззрением»; б) самоосмысление человека»⁴.

В этой связи стоит задаться вопросом: возможна ли вообще современная интерпретация культуры XVI в., имеет ли подобное компаративное исследование право на существование. Мы считаем, что такое сравнение возможно, но оно обязательно должно быть связано с пониманием того, что вышеуказанные трудности объективно существуют.

Также важно отдавать себе отчет в том, что есть и обратная проблема. Современные исследователи, по сравнению с историками, жившими в XVI в., лучше ориентируются в историческом пространстве, потому что у них есть сведения о событиях, произошедших до изучаемого периода и после него, т.е. они могут оценить последствия тех или иных процессов. Деятели, жившие в XVI в. как в Англии, так и в России, не обладали такой информацией, поэтому было бы ошибочно приписывать им мотивы, подсказанные современным пониманием проблемы. Необходимо очень осторожно подходить к такому сравнительно-историческому анализу. Поскольку культуры Англии XVI в. и культуры России XVI в. сейчас уже нет, их можно рассматривать лишь опосредованно через исторические источники. Современная культура – это явление совершенно другого порядка, поэтому в процессе анализа мы будем стараться избегать необоснованного переноса из современности в культуру XVI в. и, как следствие, ошибочных выводов.

Существенным препятствием при анализе иноязычной культуры является *изначальный субъективизм исследователя*. В данном случае трудность заключается в том, что исследователь неизбежно рассматривает чужую культуру через призму своей собственной. Родная культура и родной язык воспринимаются подсознательно человеком как единственная система координат, через которую он познает окружающий мир и себя самого.

Данная проблема интересует большинство современных ученых, поскольку, во-первых, она неизбежно сказывается на результатах компаративного анализа и, во-вторых, ее практически невозможно обойти, что ставит под вопрос правомерность и обоснованность сравнения разных культур.

Поскольку исследователь принадлежит определенной культуре, то процесс интерпретации, по мнению И.И. Евлампиева, сводится к «приданию смысла феномену одной культуры (особенно, исчезнувшей) в рамках представлений другой культуры» или «приданию смысла историческому событию путем «перевода» его на язык современных исторических представлений»⁵.

А.С. Колесников также отмечает важность проблемы субъективного подхода к исследованию: «Последствия набрасывания собственной языковой и концептуальной картины мира <...> сказывается неизбежно и отрицательно, хотя и не всегда осознается».

Л.Б. Чернокутова рассматривает данную проблему как проблему герменевтическую: «...Как и в каком контексте рассматривать историографические источники, ведь исследователь неизбежно подходит к своей работе с определенными методологическими стереотипами, например, стереотипом объективности»⁶. Кроме того, в данной связи нельзя забывать о мировоззренческих установках, во многом определяющих задачи, методы и сам характер исследования.

В этой связи можно привести цитату из статьи польского философа В. Вжозека: «Пресловутый герменевтический круг – это не только невозможность отделить субъект исследований от их объекта, но и заколдованный круг антропоморфизации. Прошлое становится объектом антропоморфизации, ибо исследуется культурой. Антропоморфизацией-то и заколдовано человеческое видение мира. Антропоморфизация не что иное, как внесение культуры исследующей в культуру исследуемую»⁷.

Л.Д. Сурманидзе вносит в рассмотрение проблемы субъективизма исследователя другой аспект, связанный с искажениями в процедуре сбора данных, обусловленными недостаточным вниманием исследователя к иноязычной культуре. Автор ставит вопрос о недостаточной репрезентативности исследовательской выборки: «Культура операционализируется как страна, а фактические данные собираются на базе выборки населения городов (культура, идентифицированная со страной, представлена одним или двумя городами); затем на основе этих данных делаются экстраполяции на всю культуру»⁸, а также вопрос об игнорировании культурных особенностей: «Значительным недостатком сравнительных исследований является игнорирование своеобразий исследуемой культуры при выборе и применении измерительного инструмента... . Вследствие подобных методологических ошибок создается весьма поверхностная и далекая от реальности картина, влекущая за собой неадекватную интерпретацию»⁹. Также автор говорит о том, что этноцентрические ориентации исследователя остаются актуальной методологической проблемой: «Проблемность этноцентризма исследователя проявляется по-разному и на разных уровнях исследования: внесением специфических категорий, присущих его родной культуре в якобы универсальные методики; в выборе объекта исследования без

учета культурной специфики; в формулировке теорий и концепций. Несмотря на традиции протеста, этноцентризм исследователя в современной науке превратился чуть ли не в проблему равной истинности, часто сравниваемой с расизмом»¹⁰.

Из вышесказанного можно сделать два вывода. Во-первых, субъективизм характерен для каждого исследователя, но он не приравнивается к этноцентризму. Субъективизм исследователя представляет собой невольное искажение, так как обусловлен принадлежностью ученого к определенной культуре. Но если исследователь понимает, что такой субъективизм объективно существует, не игнорирует его и делает соответствующую поправку в своей работе, то он может хотя бы отчасти контролировать процесс привнесения в объект исследования элементов собственной культуры. «Однако такой «заколдованный круг» несет в себе одновременно способность данной культуры «осознать» собственные признаки, т.е. область, диапазон, содержание самоантропоморфизации. Это создает возможность хотя бы частично контролировать неизбежное, по-видимому, привнесение одной культуры в другую»¹¹.

Во-вторых, этноцентризм – это намеренное, отчасти идеологизированное стремление пренебречь особенностями исследуемой культуры, подменить ее пусть лишь частично культурой собственной, т.е. исследователь, игнорируя своеобразие изучаемой культуры, делает это осознанно, и, соответственно, он также осознанно может работать над преодолением этноцентризма в своем исследовании. На современном этапе развития в мировом масштабе явно прослеживаются тенденции, ориентированные на внимание к «другому», на понимание особенностей иноязычных культур, что является необходимой составляющей для формирования многополярного мира и может способствовать преодолению этноцентризма исследователя. По мнению Л.Д. Сурманидзе, сам компаративный анализ влияет на ученого, заставляя последнего пересматривать свое видение иной культуры: «Культурно-сравнительные (компаративные) исследования влияют и на самих исследователей и, соответственно, на научное познание, на совершенствование феноменологической техники, тем самым создавая условия для избежания этноцентризма»¹².

Если субъективизм исследователя может отрицательно сказаться на результатах компаративного анализа, то субъективизм представителей изучаемой культуры, наоборот, может способствовать проникновению исследователя в иноязычную культуру. В данном случае для обеспечения объективного характера исследования культуры предполагается изучить не только многочисленные воспоминания иностранцев о Московском государстве эпохи правления Ивана Грозного, в частности английских купцов и путешественников Р. Ченслера¹³, Дж. Горсея¹⁴, Дж. Флетчера¹⁵, но и работы отечественных летописцев XVI в.

К рассматриваемому периоду относится начало политических и экономических взаимоотношений между Англией и Россией. Изучение воспоминаний английских купцов и их соотнесение с аналогичными мемуарами отечественных авторов позволит понять, как они смотрели на окружающий мир, как

воспринимали современную им Россию, что позволит хотя бы частично выявить специфику английской и русской культур.

Другая проблема, отчасти связанная с субъективным характером компаративного исследования, – это *проблема формальной непереводимости культурных контекстов с языка одной культуры на язык другой*. Эту проблему нельзя обойти, поскольку, как справедливо заметил А.С. Колесников, «любая интерпретация извне традиции должна удовлетворять, по крайней мере, феноменологическому совпадению с самоинтерпретацией изнутри»¹⁶.

Б.Г. Соколов, ссылаясь на К.Г. Юнга¹⁷, говорит о том, что немецкий психоаналитик нашел основное слабое звено компаративного исследования: «именно взгляд, который конституирует мир, является той причиной, которая затрудняет как компаративное исследование, так и постижение другой культурной традиции. Мы можем констатировать сущностную несравнимость, несводимость взглядов представителей различных культур и, соответственно, несводимость одной культурной традиции к другой. Ибо, грубо говоря, тот базис, который может послужить для операции сравнения, а именно мир, человек и выстраиваемое им окружение, диспарантны, несводимы друг к другу»¹⁸.

Но в то же время Б.Г. Соколов признает, что некая тождественность может быть найдена в языке: «Конечно, мы имеем язык, который с разными оговорками является в чем-то тождественным у разных народов и в разных эпохах, ибо существует алгоритм перевода содержания из одного языка в другой»¹⁹.

Таким образом, проблему формальной непереводимости культурных контекстов можно частично свести к проблеме языка, когда, цитируя Л.Д. Сурманидзе, «особую остроту в сравнительных исследованиях приобретают лингвистические аспекты применяемых методов»²⁰.

Будучи неотъемлемой частью культуры, национальный язык является одновременно и объектом и средством познания. «Каждый язык формирует некое самодостаточное целое и функционирует в соответствии с собственным синтаксисом и практикует неповторимое расчленение реальности, которое определяет содержание значений фундаментальных «категорий» языка и фиксирует режим их возможных взаимных связей»²¹.

Автор письма, законодательного акта, богословского трактата мыслит, отправляясь от архитектоники определенного языка, его конкретно исторически обусловленного состояния, поэтому любое произведение изучаемого периода содержит в себе сведения, помогающие хотя бы частично определить особенности культуры и, если мы говорим о религии, специфику религиозного сознания людей данной эпохи.

Проблема же языка связана с необходимостью правильно и точно интерпретировать вариации одного и того же явления, существенно различающиеся на локальном уровне, т.е. в разных языках и соответственно культурах. «Лингвистические проблемы в исследованиях, в свою очередь, обусловлены сложностью нахождения форм культурных эквивалентов даже в условиях определенности и ясности пригодного для сравнения универсального феномена»²².

Несмотря на трудности, которые обусловлены формальной непереводаемостью культурных контекстов и с которыми сталкивается исследователь при компаративном анализе, такой анализ может и должен осуществляться, потому что он нацелен на диалог, понимание отличных друг от друга традиций. Компаративный анализ стимулирует заинтересованность человека в других культурах и заставляет его быть толерантным по отношению к ним.

Другая проблема связана со спецификой самого сравнительного метода – это *проблема поиска основания для сравнения*. Теоретически можно говорить о едином происхождении человечества. Данное утверждение встречается в большинстве религиозных верований. Многие исследователи отталкиваются от факта изначальной близости культур, т.е. наличия в них некоторых пересекающихся совокупностей представлений и понятий, что можно объяснить, в том числе глубинной архетипичностью родового сознания человечества. В этой связи можно вспомнить теорию К. Юнга о «коллективном бессознательном»²³. Также существуют различные историко-культурные объяснения этого родства. «Факты истории цивилизаций убеждают, что в различных регионах планеты в различные исторические периоды возникают схожие концепции бытия, аналогичные интеллектуальные проблемы, вырисовываются родственные методологические варианты их решения»²⁴.

Проблема поиска основания является одной из ключевых, потому что при отсутствии общего основания сам акт сравнения становится бессмысленным. В своей статье Б.Г. Соколов²⁵, рассматривая данный вопрос, ссылается на модель О. Шпенглера²⁶. Проследим логику данного автора. Система О. Шпенглера базируется на допущении не единства универсальной человеческой истории – что дает достаточно простое основание для сравнения, поскольку сравнению при таком подходе подлежат явления, принадлежащие по сути своей к одному и тому же исторически выстроенному потоку – но в единстве схемы движения, развития каждой культуры. Так, О. Шпенглер дает нам и сходство (единая матрица развертывания культур), и различие (каждая культура не сводима по сути своей к другой культуре, ибо внутри ее лежит единый прафеномен). Различные культуры являются уникальными, обладая уникальным стилем, манерой, накладывающей отпечаток на любое развертывание прафеномена. Таким образом, по О. Шпенглеру, сравнение может быть осуществлено на основе единой схемы развертывания каждого прафеномена культуры, который проходит этапы, живописуемые им как юность (весна), восхождение (лето), расцвет (осень) и упадок (зима). Соответственно, Б.Г. Соколов делает вывод о том, что именно тождественность матрицы развертывания различных культур дает матрицу для сравнения: «...мы можем сравнивать феномены разных культур и находить в них тождественное при условии, что они принадлежат к одному и тому же этапу раскрытия-движения прафеномена»²⁷.

Однако Б.Г. Соколов вынужден признать, что методология О. Шпенглера базируется по сути своей на неких интуитивных основаниях (вживании, созерцании, непосредственной внутренней уверенности и т.д.) и что до сих пор чет-

кой и однозначной методологической установки для компаративного исследования не существует.

Если говорить о проблеме поиска основания для сравнения в свете исследования культур Англии и России XVI в., то следует отметить, что такое сравнение имеет весьма конкретную базу. Англия и Россия географически скорее относятся к Европе и, соответственно, европейской культуре. Россия, находясь между Западом и Востоком, в большей степени соотносит себя с Западом, потому что имеет с ним, в лице христианства, общее духовное основание. Таким образом, самоидентификация английской и русской культур как частей европейской культуры, с одной стороны, и общность религии, с другой стороны, являются достаточными основаниями для сравнения двух культур, а если точнее культурно-религиозных процессов в Англии и России XVI в.

Развивая теорию О. Шпенглера о сравнении, основанном на тождественности матрицы развертывания различных культур, можно сказать, что если сравнение базируется на том, что культуры в своем развитии проходят схожие этапы и, соответственно, решают схожие проблемы, то тогда это утверждение можно соотнести с мыслью другого исследователя Е.В. Ушакова: «Компаративист, сравнивая между собой две концепции <...> создает ситуацию, где они могут соотнестись друг с другом. Что может служить полем соотнесения? Самый простой случай – наличие общей проблемы. Тогда, даже если первичные теории не ссылались явно друг на друга, между ними уже существует режим «естественного диалога»²⁸.

Рассматривая культуры Англии и России XVI в., следует отметить, что динамика течения культурно-религиозных процессов обусловлена именно схожими проблемами.

С одной стороны, это последовательное стремление монархов к абсолютной власти, сопряженное с желанием секуляризировать монастырские земли и ослабить влияние Церкви в обществе и государстве.

С другой стороны, это противоречия, возникшие внутри самих Церквей: разногласия между иосифлянами и «нестяжателями» в России, а также разногласия между католиками и протестантами в Англии.

Все это дает нам достаточные основания для сравнения культур, в частности культурно-религиозных процессов, Англии и России XVI в.

В заключение следует отметить, что данное исследование не является исчерпывающим, поскольку существуют также и другие проблемы, связанные со сравнительно-историческим анализом. Среди них проблема определения границ компаративного исследования, особенности источниковедения в вопросе о сравнении английской и русской культур XVI в., а также трудности, связанные со спецификой самого предмета исследования (религиозного фактора в культуре). Данные проблемы предполагается рассмотреть в последующих работах.

-
- ¹ Колесников А.С. Философская компаративистика и диалог культур // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / Под ред. Парцвания В.В. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 203.
- ² Черноскутова Л.Б. Проблема перевода в русской историографии // Русская и европейская философия: пути схождения (Коллективная монография). Научно-издательский центр «Кафедра». СПб., 1997.
- ³ Там же. С. 232.
- ⁴ Там же. С. 233.
- ⁵ Евлампиев И.И. Два измерения интерпретации // Метафизические исследования. Выпуск 1. Понимание. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при Философском факультете СПбГУ, 1997. С. 138.
- ⁶ Черноскутова Л.Б. Там же. С. 234.
- ⁷ Вжозек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей, М.: 1991. С. 60-61.
- ⁸ Сурманидзе Л.Д. Культура: современные эмпирико-исследовательские тенденции // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Выпуск 2 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 229.
- ⁹ Сурманидзе Л.Д. Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Вжозек В. Там же. С. 60.
- ¹² Сурманидзе Л.Д. Там же. С. 228.
- ¹³ Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers – University of Wisconsin Press, 1968.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Fletcher G. Of the Russe Commonwealth – New York, Cornell University Press, 1966.
- ¹⁶ Колесников А.С. Логика и методология философской компаративистики // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб. Сайт Web-кафедра философской антропологии, 2003. С. 3–11.
- ¹⁷ Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М., 1994.
- ¹⁸ Соколов Б.Г. Проект: компаративистика // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия «Мыслители». Вып. 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 114.
- ¹⁹ Там же. С. 112.
- ²⁰ Сурманидзе Л.Д. Там же. С. 229.
- ²¹ Колесников А.С. Там же. С. 3–11.
- ²² Сурманидзе Л.Д. Там же. С. 230.
- ²³ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. СПб.: Ренессанс, 1991.
- ²⁴ Колесников А.С. Там же. С. 3–11.
- ²⁵ Соколов Б.Г. Там же. С. 110–111.
- ²⁶ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
- ²⁷ Соколов Б.Г. Там же. С. 110.
- ²⁸ Ушаков Е.В. Имеет ли исследователь-компаративист логическое преимущество? // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Материалы научной конференции. Серия “Symposium”. Вып. 7. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.